

«Бах-бах-бах, хлобысь!..»

Крепкие, мозолистые ладони с бешеной скоростью хлопали по щекам и сталкивались со сталью оружия. Этот яростный, ритмичный звук ударов ложился на воздух подобно бравурному военному маршу. В воздухе тренировочной арены мелькали бесчисленные тени, а наземь один за другим, брызгая кровью, валились поверженные противники.

— Ха-ха, — Ван Ба усмехнулся и небрежно вытащил изо рта деревянную палочку.

Эта наполненная сиропом конфета — последняя новинка от Школы Опадающих Цветов — давно лишилась начинки, от нее осталась лишь тончайшая карамельная скорлупка. Однако за все то время, пока Ван Ба крутил свои безумные кульбиты и раздавал тяжелые тумачи братьям по секте, эта хрупкая глазурь на кончике палочки ни разу не треснула. Остатки сладкой оболочки мгновенно растворились в его теле, преобразуясь в чистую энергию. Ван Ба уже засучил рукава, намереваясь прочесть младшим поучительную лекцию о вреде слабой защиты, как вдруг защитный барьер арены слабо дрогнул.

Белоснежные одежды, за спиной — верный меч. На арену бесшумно опустилась фигура заклинательницы. Окинув холодным взглядом раскиданные по полу стонущие тела, она произнесла лишь одно слово:

— Явились.

Ван Ба взглянул на небо и раздраженно сплюнул:

— Какого черта так рано? Торопятся на перерождение, что ли?

Гу Пань не удостоила его ответом. Ван Ба тоже не стал развивать тему. Молча пристроившись рядом, он направился вместе с ней к Залу Истинного Покоя, где обычно принимали гостей.

Будучи одним из столпов и живой рекламой ордена — великим Бессмертным почтенным Иньмином, — Ван Ба без труда мог бы вместе с Бессмертной почтенной Сихуа разорвать ткань пространства и мгновенно перенестись в гостевые покои. Однако он свято помнил о своем актерском амплуа. А потому пара шествовала неспешным, размеренным шагом, позволяя Ван Ба по пути раскланиваться и прощаться с соучениками из других долин.

Дело в том, что несколько месяцев назад главу ордена, Бессмертную почтенную Чжэньхай по имени Су Цзи, подкосила внезапная тяжелая болезнь. С трудом отвоевавшая свое место под солнцем на Центральном континенте Бессмертная секта Чжэнье оказалась на грани кризиса. Чтобы привлечь благотворную энергию и прогнать заразу, Совет старейшин объявил экстренный набор адептов. На этом экзамене ярче всех засияла юная гениальная особа по имени Ян Чжэн. Впервые за шестьдесят лет она удостоилась чести стать четвертой личной ученицей главы ордена. Старейшина Зала наказаний тогда чуть не разрыдался от умиления, уверяя всех, что достопочтенная наставница уже вечность так счастливо не улыбалась.

Но на этом сказка закончилась. Приглашенный на состязания в качестве почетного гостя Дин Цянькунь, первый ученик могущественной секты Дацин, воспылал к Ян Чжэн любовью с первого взгляда. Получив от ворот поворот, этот наглец не придумал ничего лучше, как оглушить девицу и умыкнуть прямо с территории ордена. На его беду, мимо проходил первый ученик Чжэнъе — наш Ван Ба. Последовала короткая, но крайне убедительная трепка, в результате которой незадачливый похититель лишился не только зубов, но и всей своей культивации.

Когда новость долетела до секты Дацин, дядя и по совместительству наставник калеки, Бессмертный почтенный Таомин по имени Вэнь Цанхай, пришел в неописуемую ярость. Он поклялся заставить Ван Ба харкать кровью, а заодно подговорил кучу дружественных кланов пойти общим походом на Бессмертную секту Чжэнъе, обвиняя тех в заносчивости и беспределе. Чтобы уберечь родные пенаты от уничтожения, Ван Ба еще три дня назад прилюдно «разбил свое золотое ядро», добровольно опустившись на самое дно — став обычным мастером внешнего круга, развивающим лишь брненное тело с абсолютного нуля.

И вот сегодня наступил день расплаты. День, когда разгневанный старейшина Вэнь явился требовать удовлетворения.

Как первый ученик ордена и один из четырех отцов-основателей, возродивших Бессмертную секту Чжэнъе из пепла, Ван Ба всегда отличался легким нравом, готовностью прийти на помощь и отменной мужской красотой. Любили его все без исключения. И все же сейчас, пока он шел по главной дороге, соратники лишь провожали его грустными взглядами, тихо бормоча дежурные слова сочувствия. Никаких бунтов, никаких криков протеста и плакатов в его поддержку — тишь да гладь.

Ван Ба фальшиво шмыгнул носом и повернулся к спутнице:

— Эх, шицзе... Я ведь к младшим со всей душой, а они? Хоть бы кто кулаком по столу грохнул, хоть бы кто за меня заступился! Сердце кровью обливается от такой черствости.

Гу Пань даже бровью не повела.

— Второй шиди обо всем позаботился. Всех потенциальных бунтовщиков и крикунов он еще вчера разослал по дальним поручениям. Кстати, раз уж ты у нас теперь официально немощный калека, не забудь: когда я буду пинком спускать тебя с лестницы, кровь, которую ты выдавишь из себя ради пущего драматизма, не должна содержать ни капли духовной энергии. Смотри не опростоволосись.

— Ну, капельку-то надо для приличия выдавить, — хихикнул Ван Ба, лениво помахав рукой кучке восторженно замерших неофитов. — Все-таки столько лет вместе плечом к плечу. К тому же наставница расщедрилась на Пилюлю Продления Жизни, так что у меня есть все шансы снова пробиться в бессмертные до того, как ноги протяну.

— Вот и славно, — удовлетворенно кивнула Гу Пань, мысленно пообещав себе вложить в удар

побольше силы. Нужно же было наглядно продемонстрировать почтенным гостям, насколько глубоко она преуспела в познании сурового Пути Безжалостности.

Подобный спектакль разыгрывался в ордене далеко не впервые. Весь мир культиваторов уже давно с упоением следил за бесконечной «мыльной оперой» личных взаимоотношений четырех великих бессмертных Бессмертной секты Чжэнье. Слухи ходили один грязнее другого. Глава ордена, Бессмертная почтенная Чжэньхай, из-за своих излишне строгих педагогических методов прослыла среди обывателей жестокой садисткой, истязавшей детей, и дважды едва не рассталась с жизнью из-за праведного гнева общественности. Прекрасная дева Сихуа, практикующая бездушный Путь Безжалостности, дважды стояла на грани разрушения своего Дао из-за обвинений в вопиющей неблагодарности и бессердечии. Сам Ван Ба, всегда лезущий грудью на амбразуру ради справедливости, дважды изгонялся из ордена под улюлюканье толпы как главный зачинщик всех беспорядков. И наконец, финансовый директор секты, Бессмертный почтенный Цзинмин, из-за своей феноменальной бережливости дважды оказывался на улице без единого гроша в кармане, заклеенный как бессовестный и алчный стяжатель.

К настоящему моменту любители азартных игр умудрились открыть сто четырнадцать тысяч пятьсот четырнадцать тотализаторов на самые безумные комбинации пейрингов внутри этой великолепной четверки. Сумма в призовом фонде скопилась настолько колоссальная, что у любого смертного помутился бы рассудок. Именно поэтому Инь Сянь, полностью оправдывая свое имя, решил лично взять бразды правления сюжетом в свои руки. Чтобы искусственно обрушить или взвинтить коэффициенты ставок, этот проныра начал активно вводить в сценарий новых персонажей и разыгрывать свежие драмы.

Бессмертный почтенный Цзинмин, урожденный Инь Сянь, обладал смазливой и донельзя порочным лицом типичного альфонса. В нынешнюю эпоху, когда среди благородных мужей царил дурацкий тренд на растрепанные, художественно свисающие на лоб локоны, Инь Сянь оставался верен безупречно зализанному назад зачесу. Единственным сомнительным элементом его стиля были очки в тонкой золотой оправе, которые мгновенно превращали этого красавчика в прожженного и безжалостного дельца.

Когда Ван Ба переступил порог гостевого зала, Инь Сянь вовсю любезничал с Бессмертным почтенным Таомином. Они с увлечением обсуждали списки кандидатов в комитет Центрального континента на грядущем Великом состязании пяти континентов, многозначительно перемигиваясь и обещая друг другу всяческую поддержку при дележке лакомых мест.

От такого зрелища Ван Ба мгновенно вскипел. Издав яростный рев, он ринулся вперед, намереваясь залепить предателю знатный удар:

— Ах ты, паршивец! Псина продажная! Когда этот ублюдок Дин Цянькунь лапал нашу младшую сестру, ты первый кукарекал, что нужно замять дело ради общего блага! Теперь-то все встало на свои места — ты просто спелся с его дядюшкой! Как у тебя только наглости хватает смотреть в глаза наставнице и откликаться на уважительное «второй шицун»?!

— Наш старший брат, конечно, заслуживает своего звания, да только позабыл, что в этом мире под небесами существует не одна лишь Бессмертная секта Чжэнъе, — Инь Сянь с ленивой грацией перехватил кулак лишнего сил «смертного» и небрежным движением отшвырнул Ван Ба на добрых пять метров. Поправив за дужку очки, он назидательно добавил: — Интеграция и совместное процветание — вот главные тренды нашей эпохи. Когда старший брат крушит все вокруг ради смазливой личика девицы, думает ли он о будущем секты? Заботят ли его последствия собственной импульсивности?

Хоть Ван Ба и лишился духовных сил, его закаленное тело по-прежнему превосходило прочностью сталь. И все же от этого небрежного удара кости его запястья жалобно хрустнули. Пропахав спиной каменные плиты, он врезался в стену и шумно выплюнул на ковер струю багровой крови.

Вэнь Цанхай не стал открыто злорадствовать. Напротив, изобразив на лице глубокую скорбь при виде столь плачевного падения молодого гения, он неторопливо отпил из пиалы чай и примирительно улыбнулся:

— Достопочтенный Цзинмин, полно вам. Старик пришел сегодня лишь ради того, чтобы восстановить справедливость и защитить честь своего несчастного ученика. Раз уж глава вашей секты проявила мудрость, а ваш провинившийся старший брат осознал ошибки и уже понес столь суровое наказание, к чему устраивать эти семейные драмы прямо у меня на глазах?

— Прошу простить за эту безобразную сцену, почтенный старец, — сокрушенно вздохнул Инь Сянь. — Взрывной характер нашего старшего брата уже не раз выходил боком всей секте. Раньше мы как-то справлялись, но после того как он пробился в Царство Великого Предела, парень и вовсе потерял берега. Так что хорошая взбучка пойдет ему только на пользу.

— Слышь, щегол, а ну поясни за «проблемы»! — взвился Ван Ба, утирая окровавленный рот. — Да, я намылил шею паре-тройке ублюдков, но они же первые начали! Ты просто трусливая тварь: наставница слегла, секта Дацин нависла над душой, вот ты и поджал хвост! Если ты такой безродный раб, хрена ли сразу к ним не переметнешься?!

Вэнь Цанхай с глухим стуком опустил пиалу на столик. Глаза его недобро сузились, а челюсти сжались до скрежета:

— Бессмертный почтенный Иньмин... Ах нет, простите. Даос Ван. Язык мой — враг мой, не забывайте эту мудрость. Ныне вы лишены силы и уязвимы перед законами Неба, так что поостереглись бы бросаться столь громкими словами.

У Инь Сяня судорожно дернулся глаз.

— Ван Ба! — рявкнул он. — Ты теперь обычный смертный червь! Как смеешь ты дерзить великому Бессмертному почтенному Таомину?! Стража Зала наказаний, немедленно вышвырните этого смутьяна вон!

Стоит пояснить, что изначально секта Дацин гордо именовалась Тайцин — Великая Чистота. Однако судьба сыграла с ними злую шутку. Видимо, карма правящей династии оказалась слишком слаба для столь пафосного имени. Тридцать лет назад молодой наследник секты во время экспедиции в тайное царство умудрился лишиться своего мужского достоинства. Будто этого было мало, какой-то безвестный шутник ухитрился соскоблить со стелы у главных ворот нижнюю точку в иероглифе «Тай», превратив его в «Да» — Великий, но уже без претензии на святость. Трагедия лишения наследника детородного органа и осквернение святыни произошли почти одновременно, застав пиар-отдел секты врасплох. С тех пор по всему миру и разнеслась слава о «секте Дацин» — секте Великих Скопцов.

Разумеется, за тысячи лет доминирования на Центральном континенте эта организация накопила колоссальное влияние. Обычные люди при встрече вежливо интересовались: «Уж не из школы ли Тайцин этот благородный даос?», тщательно избегая скользких тем. Ван Ба же, умудрившись в одной фразе обозвать соученика евнухом и вслух назвать Секту Дацин, практически исполнил победный танец с саблями на минном поле. Дабы не допустить кровопролития, Инь Сянь поспешил спровадить скандалиста с глаз долой.

На самом деле все основные вопросы касательно дележа мест в комитете Великого состязания пяти континентов они обсудили еще до того, как Ван Ба ленивой походкой доковылял до зала. Вэнь Цанхай задержался лишь ради возможности лично насладиться унижением недавнего триумфатора. Сказать по правде, старик не ожидал, что руководство Бессмертной секты Чжэнъе обойдется со своим главным героем и защитником столь беспощадно. Похоже, слухи о предсмертном состоянии великой Чжэньхай были сильно преувеличены, амбиции Инь Сяня простирались куда дальше простых финансовых отчетов, а сама секта изнутри не отличалась той святостью, о которой трубили на каждом углу. Не прошло и семи лет с момента возрождения ордена, как эти юнцы сцепились в грызнь за трон. Вэнь Цанхай лишь разочарованно усмехнулся про себя — он явно переоценил нынешнее поколение.

Вэнь Цанхай бросил беглый взгляд на безмолвную Гу Пань, которая за все время не проронила ни звука, и поднялся, прощаясь с хозяином. Звание «Бессмертного почтенного», конечно, указывало на пик мастерства, но даже среди равных существовала своя иерархия. Опыт ведения боя, глубина понимания древних техник и мощь личных артефактов создавали непреодолимую пропасть между ним и этой зеленой молодежью. Пускай у Бессмертной секты Чжэнъе числилось аж четыре великих мастера, реальную угрозу для него представляла разве что сама Су Цзи. А ведь в его родной обители помимо него самого обретались еще двое старцев, чья сила превосходила его собственную.

Когда десять лет назад Бессмертная секта Чжэнъе триумфально водрузила на площади новую стелу основания и стремительно пошла в рост, заслужив безупречную репутацию, старейшины Секты Дацин не на шутку забеспокоились. Выходка Дин Цянькуня была не более чем прощупыванием почвы, аккуратным тестом на прочность. То, с какой готовностью Бессмертная секта Чжэнъе сразу же сдала назад и принесла своего первейшего бойца в жертву, несказанно удивило весь мир культивации. Сам же Вэнь Цанхай давненько точил зуб на своего зятя, но ради любимой сестры терпел и продвигал бездарного племянника. Однако в этом году его сестра будто прозрела и наконец-то выставила муженька за дверь. Вэнь Цанхай, не теряя времени, тут же пустил никчемного племянника в расход, сделав из него отличную разменную монету в политической игре.

Проводив гостя до врат, Инь Сянь аккуратно разгладил полы своего расшитого шелком халата и вернулся в Зал Истинного Покоя. Ван Ба, бледный как полотно, сидел на полу, пока целители накладывали швы на его искалеченную руку. Рядом с ним на коленях замерла юная Ян Чжэн. Всклипывая, она выглядела воплощением невинности и хрупкости.

Увидев вошедшего Инь Сяня, Ван Ба дернулся от гнева и снова закашлялся, орошая пол свежей кровью.

Ян Чжэн тут же залилась горькими слезами:

— Старший брат... Это все из-за меня! Прости, я ничем не могу тебе помочь, я лишь принесла тебе столько несчастий...

— Стоп, избавь меня от этого, — поспешно перебил ее Ван Ба, отмахиваясь здоровой рукой. — Не смей называть меня старшим братом. Не ровен час, карму испортишь, и я прямо тут копыта отброшу.

— Даос Ван, если у вас накопились обиды, не стоит срывать злость на младшей сестре, — с ядовитой улыбкой произнес Инь Сянь, галантно помогая девушке подняться с колен. — Вы сами напросились на эти неприятности. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь. Наша шимей обладает исключительным талантом, негоже ей тратить душевные силы на тех, кто этого не стоит. В будущем, когда она взойдет на вершину этого мира, она непременно проявит милосердие и подкинет даосу Вану пару медяков на пропитание. Это и станет ее лучшей благодарностью.

— Второй шицюн... — смущенно пролепетала Ян Чжэн, даже не подумав возразить против этой откровенно абсурдной тирады.

Ван Ба оскорбленно фыркнул:

— За кого ты вообще принимаешь нашу младшую сестру?! Она чиста душой и прекрасна помыслами. Если из-за твоих бредней у нее в разуме зародится внутренний демон, ты лично будешь за это отвечать?!

— Неужели даос Ван пытается спекулировать на своей сомнительной услуге и требовать за нее плату? — приподнял бровь Инь Сянь.

— Хватит передергивать факты! Инь Сянь, у меня уже от одного твоего вида скулы сводит!

Ван Ба снова рванулся вперед, но ослабшие ноги подкосились, и он неуклюже повалился на ковер. Ян Чжэн бросилась к нему, пытаясь помочь подняться, но он лишь злобно зыркнул из-под лба на ухмыляющегося второго шидюна.

Наблюдавшая за этой комедией со стороны Гу Пань наконец решила вмешаться:

— Довольно цирка. Шимей Чжэн, отправляйся со вторым шидюном на церемонию посвящения, негоже опаздывать к назначенному часу. А я провожу младшего брата Вана к подножию горы.

Ван Ба, симулируя бессильную ярость, затрясся всем телом. Грубо смахнув руку Ян Чжэн со своего плеча, он поднялся и, демонстративно закусив губу, поковылял к Гу Пань.

— Постойте, — выплюнул Инь Сянь. Каким-то чудом он умудрился вложить даже в это простое слово столько высокомерия и яда, что Ван Ба мысленно зааплодировал.

«Определенно, стоило на досуге взять у этого проныры пару уроков актерского мастерства»

Ван Ба выдавил натянутую улыбку:

— Какие еще будут указания у великого Бессмертного почтенного Цзинмина?

На фоне растерзанного, перемазанного фальшивой кровью Ван Ба его визави выглядел безупречно — настоящий барин, купающийся в лучах славы. Осклабившись, как торжествующий мелкий пакостник, Инь Сянь бросил:

— Оставь Меч Сдерживаемого Света.

При этих словах даже у обычно невозмутимой Гу Пань лицо на мгновение окаменело. Ван Ба же взревел, изображая крайнюю степень отчаяния:

— Инь Сянь! Ты совсем берега попутал?!

Инь Сянь небрежно поправил очки в золотой оправе и процедил сквозь зубы:

— Деревенщина всегда останется деревенщиной. Меч Сдерживаемого Света слишком хорош для такого плебея, как ты.

Глаза Ван Ба налились кровью. Стоявшие в отдалении ученики из бедных семей опустили головы, сжимая кулаки от бессильной ярости. Второй шицун происходил из древнего и невероятно знатного клана — благородная кость, барин среди баринов. Он всегда с пренебрежением относился к безродным культиваторам, но поскольку его вклад в экономику ордена был поистине колоссальным, все терпели его скверный характер, списывая это на обычную манерность. Никто и подумать не мог, что в тяжелую минуту этот господин без зазрения совести вонзит нож в спину родному соратнику.

Вдруг кто-то из толпы, пересилив страх перед грозным старейшиной, выкрикнул:

— Второй шицун, вы неправы! Всем известно, что этот меч — личное духовное оружие нашего старшего брата, связанное с его душой уже без малого сотню лет! Как ваши слова могут считаться справедливыми?!

Однако тут же подал голос один из прихвостелей, почуявший, куда дует ветер:

— Этот клинок изначально принадлежал ордену, а не являлся частной собственностью! Оружие должно служить тем, кто сильнее. Младшая сестра Ян рождена со священными костями мечника, а наш бывший старший брат теперь... кхм. Логично, что именно она должна стать новой хозяйкой!

— Рот закрой! Как ты смеешь называть ее просто «младшей сестрой Ян»?! — внезапно рявкнул какой-то влюбленный по уши дурак из толпы.

Все присутствующие разом повернулись и уставились на этого парня, явно перепутавшего жанры. Тот сообразил, что влез не в свою сцену, и поспешно втянул голову в плечи, пытаясь раствориться в толпе.

Глубоко вздохнув, Ван Ба изобразил на лице крайнюю степень подавляемой ярости. Напоследок он наградил Инь Сяня тяжелым взглядом, ткнул в его сторону средним пальцем и, процедив сквозь зубы: «Ну все, сука, ты у меня доиграешься», полез в рукав. С трудом вытащив сияющий жетон связи с оружием, он дрожащей рукой вложил его в ладонь Гу Пань. В ту же секунду его смуглая кожа сделалась мертвенно-бледной — разрыв ментальной связи с личным артефактом якобы нанес его меридианам непоправимый урон.

Инь Сянь лишь презрительно фыркнул. Он швырнул под ноги Ван Ба флакон с целебными пилюлями и, даже не проверив, подобрал ли тот подачку, бесцеремонно увлек за собой Ян Чжэн.

Поскольку Ян Чжэн только недавно ступила на путь культивации и находилась на начальной стадии Конденсации Ци — в самом слабом Царстве Великого Изменения, — ее тело не перенесло бы нагрузок при перемещении сквозь пространственные разломы. Проходя мимо Ван Ба пешком, она скорбно опустила длинные ресницы и прошептала, едва сдерживая слезы:

— Прости меня, старший брат... Я только пришла, а уже заняла твое место. Но ты не переживай! Обещаю, я сделаю все, чтобы имя Меча Сдерживаемого Света вновь прогремело на весь мир бессмертных!

Ван Ба внутри так и похолодел.

«Да какая собака учила тебя актерскому мастерству?! Слишком приторно, фальшь же из всех

щелей прет! Нас же сейчас раскусят к чертовой матери!»

Тем не менее на его лице отразилась сложная гамма чувств: удивление, горечь и внезапное прозрение, словно он только что разглядел под маской невинной овечки коварный оскал расчетливой стервы.

Инь Сянь и Ян Чжэн во главе торжественной процессии скрылись за поворотом, однако у ворот осталась внушительная толпа учеников, пожелавших проводить Ван Ба. Тот вел себя на редкость достойно: расспрашивал младших об успехах в учебе, раздавал советы по тренировкам и подбадривал приунывших, при этом упорно избегая любых разговоров о собственном туманном будущем. От этого благородного самоотречения у провожающих кошки на душе скребли еще сильнее.

Когда они наконец дошли до вершины великой каменной лестницы, ведущей в мир смертных, Ван Ба остановился прямо перед огромной стелой с названием ордена.

— Ну все, молодежь, дальше не надо, — с теплой улыбкой произнес он. — Считайте, что я просто ухожу в академический отпуск на годик. Вернусь — и горе тому, кто не соберет мне все самые сочные сплетни за это время!

— Старший брат! — не выдержав, разрыдалась одна из юных адептов. — Если бы мы все объединились, нам не пришлось бы пресмыкаться перед этой сектой Дацин! То, что произошло сегодня — позор для каждого из нас! Почему именно ты должен страдать за то, что поступил по совести?!

Гу Пань незаметно скользнула по плачущей девице оценивающим взглядом.

«Хм, этой девчонки не было в списке массовки. Надо взять на заметку, отлично играет»

Вслух же она произнесла со всей ледяной суровостью истинного аскета:

— Соберитесь. Осознайте этот позор и станьте сильнее. Дело сделано, к чему теперь эти пустые слезы? Думаете, ваши стенания вернут все назад?

— Да ладно вам, народ! Как говорится, не жили богато — нечего и начинать, просто начнем сначала! — Ван Ба шутливо потрепал плачущую шимей по лохматой макушке и широко осклабился: — Если ваш старший брат сумел из руин воссоздать целый орден, неужели он не справится с какой-то там культивацией? Тоже мне, трагедия.

— Слышь, шицюн... — несмело подал голос долговязый парень из задних рядов. — Ты мне вообще-то еще две бутылки элитного ликера «Дворцовый нефритовый нектар» должен...

Ван Ба резко побледнел, симулировал потерю баланса и с воплем: «Ой, не держите меня!»

покатился кубарем вниз по трем тысячам крутых каменных ступеней.

<http://bllate.org/book/19845/1986157>